

Глава первая

КАССЕТА 1, СТОРОНА 1, АПРЕЛЬ 1970 ГОДА

Мне сказали, что вы хотите узнать мою историю, узнать, почему я оказалась в этом месте. Это довольно сложный вопрос, и я задаю его себе на протяжении последних пятидесяти лет. Я, конечно, могу рассказать, как попала сюда и что со мной случилось. Но зачем? Тогда не станет тайны.

Звучит низкий, прокуренный голос, с сильным акцентом восточного Лондона, и в нем угадывается улыбка, как будто обладательница этого голоса в любую секунду готова зайтись смехом, переходящим в астматический кашель.

Вас, вероятно, предупредили насчет меня, сказали вам, что моя история является выдумкой. По крайней мере, хитротерапевт постарался убедить вас в этом.

Раздается другой голос, тщательно модулированный, принадлежащий хорошо образованной и гораздо более молодой женщине: «Хитротерапевт?».

Извините, дорогуша, так мы называли между собой психотерапевта в те давние дни. На все лады он твердил, что наши истории — он называл их фантазиями — являются воплощением «неудовлетворенных желаний».

«Тут вы не так уж ошибаетесь, — говорила я ему, сопровождая свои слова таким подобострастным трепетом ресниц. — Я проторчала здесь бóльшую часть своей жизни, так что у меня полно неудовлетворенных желаний».

А он лишь улыбался и говорил: «Вам необходимо сосредоточиться на выздоровлении, моя дорогая, и смотреть не назад, а только вперед. Повторение и закрепление ваших фантазий свидетельствует о регрессивном поведении, и этому необходимо положить конец, или вы никогда не выйдете отсюда».

Можете оставить это, а можете выкинуть, дорогуша, но я должна рассказать об этом.

«А я очень хочу вас выслушать, вот почему я здесь».

Очень мило с вашей стороны, дорогуша. Видите ли, когда вы на протяжении многих лет отрезаны от реальной жизни, то *что* вам еще остается, кроме как вспоминать времена, когда вы были молоды, когда вы каждый день встречались с новыми людьми, когда вы имели право на чувства, когда вы жили по-настоящему? Что? Да ничего! Шитье и разного рода рукоделие были единственными занятиями, которые хоть как-то развлекали меня. Так что я рассказываю свою историю для всех, кто готов ее слушать, и мне плевать, если меня будут называть фантазеркой. Воспоминания о нем и ребенке, которого я потеряла, — это единственный способ сохранять свою связь с реальностью. Ну, с чего вы хотите, чтобы я начала?

«Лучше всего с самого начала. Запись уже ведется».

Вам придется повозиться со мной, дорогуша, ведь воспоминания займут определенное время, все это было так давно. В этом году мне исполнится семьдесят четыре года, а старые мозги работают не так хорошо, как хотелось бы. И все же я попытаюсь. Вы не возражаете, если

я буду заниматься шитьем во время рассказа? Это поможет мне сконцентрироваться и расслабиться. Я никогда не чувствую себя счастливой без иголки в руках. Это просто небольшая аппликация с обметкой внахлест — довольно простенькой. Предотвращает расползание ткани по краям, видите?

Она надсадно кашляет глубоким, хриплым кашлем заядлого курильщика.

Хм-м. Так-то лучше. Ладно, начнем.

Меня зовут Мария Романо, и я уверена, что моя мать была родом из Рима, хотя для меня остается загадкой, что заставило ее поменять этот прекрасный солнечный город на старый и мрачный лондонский Ист-Энд. Почему люди в Италии вырастают такими маленькими? Говорят, что моя мама была крошечной, да я и сама была не выше пяти футов в свои лучшие времена. Теперь я, наверное, стала гораздо ниже. Когда вы настолько малы, что у вас нет даже мизерного шанса победить в драке, то вам приходится иметь очень проворные ноги — это мой случай. Я танцевала повсюду, где выпадала такая возможность, что случалось нечасто, и я умела бегать быстрее ветра. Но было в моей жизни нечто такое, от чего даже я убежать не сумела, — это заведение оказалось одним из этого.

Странная вещь, но после многолетних мечтаний о том, чтобы выбраться отсюда, если только кому-то из нас это удастся, то ему всегда хочется вернуться обратно — здесь безопасно и окружают друзья. Это место стало моим домом. Когда начинаются разговоры о том, чтобы разослать нас жить по другим домам, то мне даже подумать об этом страшно, а раз меня это так пугает, то что можно сказать о настоящих сумасшедших? Как они выживут снаружи?

Вы ведь специализируетесь на соцопросах, не так ли? Что вы об этом думаете?

«Я буду рада побеседовать об этом позже, если хотите, но сейчас мы говорим о вас. Так что продолжайте, пожалуйста».

Я продолжу, раз вы настаиваете, хотя я никак не возьму в толк, что вы нашли такого интересного в такой маленькой старой леди, как я. О чем я говорила?

«О вашей матери».

Ах да, бедная мама. Еще одной причиной верить в то, что она была итальянкой, является цвет моих волос и кожи. Теперь я совсем седая и бледная, как моль, но в молодости моя кожа становилась летом настолько темной, что ходили шутки, будто я дегтем измазалась, а моим блестящим смоляным кудрям завидовали все девочки в сиротском приюте. Нора говорила, что мальчишки считают меня настоящей красоткой, и я училась смотреть на них своими коричневыми глазищами так, что они краснели и поспешно отводили взгляды.

«Значит, сиротский приют?»

О да! Мама умерла, когда мне было годика два, бедняжка. Не знаю точно, от чего она умерла, но в ту пору в бедных кварталах города ходило множество болезней, а о том, чтобы обратиться к врачу, даже речи не шло, во всяком случае, в наших кругах. Никто не выдавал беднякам антибиотик, не делал прививок и тому подобного — сегодня в это трудно поверить, но я рассказываю об очень старых временах, о самом начале двадцатого века.

Насколько мне известно, мой папаша, натешившись с мамой, пропал навсегда, и я никогда не слышала о своих дедушках и бабушках, так что, когда мамы не стало, я попала в Зámok — ну, так мы называли приют, потому

что здание было огромным и мрачным, со стрельчатыми окнами и этими, как их, такими загогулинами по верху стен, где полагалось бы быть крыше.

«Крепостными зубцами?»

Определенно это была крепость с высокими железными воротами и кирпичными стенами вокруг. Чтобы не подпускать опасных людей, как нам говорили, — это ведь был лондонский Ист-Энд, как-никак, — но мы знали, что стены были нужны, чтобы мы не слишком часто убегали. Там не было ни сада, ни деревьев, ни цветов, только бетонный двор, где нам разрешалось играть в хорошую погоду.

Внутри здания все было из темного дерева, полы были каменные, а наверх вела большая широкая лестница, доходившая до третьего или четвертого этажа; при своих маленьких ножках я чувствовала себя так, будто восхожу на небеса всякий раз, когда нас отправляли спать. Когда рассказываешь, это звучит несколько трагично, но я не помню, чтобы была там несчастна. Я не знала иной жизни, а там было тепло и хорошо кормили, и компания подобралась неплохая — некоторые из нас стали настоящими подругами.

Монахини поначалу казались нам, малышам, страшными в своих длинных черных рясах с рукавами, развевающимися, как крылья летучих мышей, когда они бежали по коридорам, чтобы выследить и наказать нас. При этом большинство из них были добрыми, хотя иногда попадались и злые. Неудивительно, учитывая то обстоятельство, что мужчин у них не было, а была только куча испорченных детишек.

В общем, начало моего пребывания в Замке было лучше, чем жизнь с моей несчастной матерью, это я гарантирую. Жаль, что нельзя сказать то же самое о конце.

Главным в жизни монахинь было учить нашу пеструю компанию хорошим манерам, основам чтения и письма, а также готовить еду, вести домашнее хозяйство и заниматься рукоделием, чтобы, повзрослев, мы могли куда-нибудь устроиться служанками, что я, собственно говоря, и сделала. Особенно я любила шитье. Оно мне давалось легко, и мне нравилось, что мое мастерство привлекает ко мне внимание.

«Это дар Божий», — твердили монахини, но лично я так не считала. Просто у меня были тонкие пальцы, к тому же я и старалась больше других, и должным образом училась шитью. Все время мира было в нашем распоряжении, вот так. Вы когда-нибудь шили, мисс?

«Честно говоря, нет, я все больше работаю со словами».

А следовало бы попробовать. Нет большего удовольствия, чем взять кусок никому не нужного старого шерстяного одеяла и сотворить из него превосходное пальто, которое много зим подряд будет согревать ребенка. Или состегать вместе лоскуты хлопчатобумажного одеяла, чтобы сделать уютное покрывало для кровати, которое вовсе не выглядит неряшливо и замечательно украшает комнату.

В швейной мастерской Замка стояли длинные раскройные столы, а окна располагались так высоко, что из них ничего нельзя было увидеть. Там мы проводили почти все свои дни. Зимой мы сбивались в толпу возле печки в углу, летом разбивались на кучки по всей комнате, чтобы иметь возможность поболтать подальше от ушей монахинь, обладавших острым, как булавки, слухом.

Все работы велись вручную, имейте в виду, никаких швейных машинок в те дни, конечно, не было. И к тому времени, когда мне исполнилось десять лет, я уже знала,

какая иголка для какой ткани предназначается и какую нитку выбрать, я умела делать дюжину разных швов, начиная от простых сметочных стежек или сдвоенных строчек и заканчивая таким стильным шитьем, как «колоски» и «французские узелки», и я умела делать их столь тщательно и столь искусно, что сложно было поверить в то, что они созданы человеческими руками.

Сестра Мэри была хорошей учительницей, она любила свой предмет, и, я полагаю, она заразила нас своим энтузиазмом, потому что очень скоро я могла распознать любую материю с закрытыми глазами, просто на ощупь, назвать разницу между крепом и батистом, галатеей и бумазеей, сукном и сермягой, бархатом и вельветом и сказать, что лучше использовать для той или иной работы.

Не то чтобы мы видели много хороших тканей, учтите, это были в основном гладкая шерсть и хлопок, причем по большей части бывшие в употреблении, такие, что брались от старой одежды или обивки. Но при случае из местной галантереи доставлялись рулоны набивного ситца или обрезки шерстяных выкроек, которые не находили своего применения; думаю, это была такого рода благотворительность в пользу нас, бедных сироток, и в пользу тех детишек, для которых мы шили одежду.

Кажется, вы озадачены? Извините, я слишком увлеклась воспоминаниями. Причина, по которой мы были так заняты шитьем в Замке, заключалась в том, что важные дамы из Лондонского общества рукоделия попросили монахинь помочь им в их благородном начинании, которое заключалось в изготовлении одежды для бедняков. Из-за этого мы ощущали себя особенными: у нас в жизни не было ничего, кроме нашего мастерства, и мы

пользовались им, чтобы помогать таким же бедным людям, как мы сами.

Дни, когда приезжали галантерейщики, превращались в праздники, как будто одновременно отмечаешь день рождения и Рождество: мы разбирали рулоны материи, рассматривали цвета и узоры и дышали этим чудесным запахом новой ткани, свежей, как белье, вышешное на просушку, — ничто не может заглушить этот запах даже теперь. Когда мы вырастали из нашей одежды, монахини выдавали нам отрезки тканей, чтобы мы могли пошить себе платья и юбки, и мы с Норой всегда выбирали самые яркие узоры с цветами. В жизни мы видели не так уж много настоящих цветов, так что это давало нам ощущение весны.

«Нора? Вы уже тогда были знакомы?»

О да, вернемся к началу. Она была моей лучшей подругой. Насколько я знаю, мы были примерно одного возраста и всегда делили одну спальню, звали друг друга сестрами — на семейный лад, а не как монахини — и клялись, что никогда не расстанемся. Не то чтобы мы смотрелись внешне как родные: она была блондинкой и к тому времени, когда нам было по четырнадцать, была выше на голову при своем росте метр пятьдесят восемь, ее длинные ноги позволяли ей всегда быть впереди, а хохотала она так заразительно, что все вокруг, включая монахинь, улыбались. Руки у нее тоже были большие, в два раза длиннее моих, но это не мешало ей быть прекрасной портнихой. Мы были вредными, проказливыми девчонками, но нам все сходило с рук, потому что мы усердно трудились.

Как я уже говорила, мы были счастливы, потому что не знали иной жизни, но постепенно мы выросли, хотя моя грудь была по-прежнему плоской, а пипка

гладкой, как младенческая попка. Зато у Норы уже отросли груди и волосы как внизу, так и под мышками, и мы обе начали заглядываться то на сына садовника, то на мальчишку-рассыльного из пекарни всякий раз, когда монахини за нами не следили.

В тот день мы занимались своим рукоделием, когда вдруг появилась знатная леди в большой шляпе с перьями на макушке, в сопровождении целой толпы расфуфыренных подруг, это было что-то типа великосветского визита. Неожиданно леди склоняется над моим шитьем и говорит: «Отличные стежки, дорогая, где ты этому научилась?».

А я отвечаю: «Это гирлянда маргариток, мэм. Хотите посмотреть, какой она получится?».

И я соединяю маргаритку с тремя другими, расположенными по кругу, как им и положено, и быстро приделываю стебель и листок, все это получается очень даже неплохо, хотя мои пальцы дрожат и потеют оттого, что за ними наблюдает такая важная особа. Она хранила молчание, пока я завершала работу, а потом голосом, полным очарования, и с таким, знаете, иностранным акцентом произнесла: «Это очень здорово, дорогая, очень мило. Продолжай работать так же хорошо», — и, когда она прошла мимо меня, чтобы пообщаться с другой девочкой, я вдохнула ее запах — будто запах сада, полного роз, — аромат, которого я никогда ранее у людей не встречала.

Позже я слышала, что она расспрашивала сестру Мэри обо мне и Норе, хорошие ли мы девочки и тому подобное, но мы вскоре забыли о ней. А происходило это за несколько дней до моего дня рождения — мне исполнилось пятнадцать в январе 1911 года, — и тут меня с Норой, чей день рождения случился неделей раньше, вызывают к сестре Беатрис, главной монахине (обычно

подобное случается только в тех случаях, когда кто-то из нас делает что-нибудь ужасное, например, божится много раз подряд или засыпает во время молитвы). Так что вы можете представить наше состояние, когда мы с Норой поднимались по лестнице и, пройдя длинный коридор, застланный красной ковровой дорожкой, остановились перед дубовой резной дверью, похожей на сборки по краям ткани. Я находилась в такой панике, что была близка к обмороку, тогда как Нора, должна заметить, лишь пыталась сдерживать смех, разбирающий ее всегда, когда она сильно нервничала.

Монахиня позвала нас внутрь и пригласила сесть на кожаные кресла, такие высокие, что мои ноги не доставали до пола и мне пришлось очень сосредоточиться, чтобы не болтать ими в воздухе, потому что я знала, что это раздражает взрослых больше, чем что-либо другое.

Сестра Беатрис обращается ко мне первой.

«Мисс Романо? Кажется, сегодня у тебя день рождения?» — спросила она, а я была так ошарашена обращением «мисс», что не придумала ответа удачнее, чем: «Да, мэм».

«В таком случае да благословит тебя Бог, дитя, и позволь мне пожелать тебе, чтобы подобных дней в твоей жизни было как можно больше», — сказала она, слегка улыбаясь.

«Спасибо, мэм», — ответила я, стараясь не замечать, как сотрясается тело Норы рядом.

«Мисс Физерстоун?» — произнесла монахиня, и я знала, что если только Нора откроет рот, то ее смех вырвется наружу, поэтому она просто кивнула, низко опустив голову. Но это нисколько не смутило сестру Беатрис, которая просто сказала нам: «Насколько я понимаю, вы хорошие подружки, не так ли?». Я кивнула за нас обеих,

и она продолжила: «Я слышала много хорошего о вас, особенно о ваших успехах в рукоделии, и у меня есть для вас отличные новости».

Монахиня поведала нам, что та важная дама, которая приезжала несколько месяцев назад, носит титул герцогини и, являясь главой общества рукоделия, инспектировала работу, которая ведется в монастыре в пользу бедных детей города. Герцогиню так впечатлили вышивки, которые ей продемонстрировали я и Нора, что она поручила своей домоправительнице провести с нами собеседование на предмет принятия нас на работу.

Герцогиня! Можете себе представить, в какой восторг мы пришли, но и страх тоже присутствовал, потому что мы понятия не имели, чего ожидать, и тогда всю зареботало наше воображение. Мы будем жить в большом прекрасном доме с огромным садом, где станем шить наряды для очень важных персон, и Нора влюбится в одного из шоферов, ну а я подняла планку выше, остановив свой выбор на улане кавалерийской бригады в красном мундире или на джентльмене из Сити в шляпе-котелке. В любом случае мы обе собирались обзавестись своими собственными уютными домами по соседству друг с другом, чтобы возле наших домов были небольшие садики, в которых можно выращивать цветы и всякую вкуснятину, и чтобы у нас было много детишек, которые смогут играть вместе, пока мы будем наслаждаться жизнью.

Тут следует пауза. Она громко прочищает горло.

Извините, мисс, вы не возражаете, если я закурю?

«Пожалуйста, если хотите. Давайте сделаем небольшой перерыв».

Нет, лучше я закурю и продолжу, потому что если я прервусь, то утрачу нить.

Открывается сигаретная пачка, звучит щелчок зажигалки, долгая затяжка и выдох дыма из легких. Потом она откашливается и опять приступает к повествованию.

Вряд ли я когда-нибудь забуду тот день, когда домоправительница герцогини приехала повидаться с нами. Нам позволили принять специально приготовленную для нас ванну, а потом одеться в наши лучшие платья из набивного ситца, и сестра Мэри помогла нам заколоть волосы в узлы на затылке, как у настоящей домашней прислуги, а сверху были прицеплены белые кружевные чепчики. В одиннадцать часов нас опять позвали в кабинет сестры Беатрис. Она осмотрела нас с головы до ног и прочла нам лекцию о том, как вести себя с гостьей, не пялиться пристально, но и не отводить взгляды, когда она будет говорить с нами, не заговаривать самим, если нас не спросят, отвечать четко и не слишком длинно. Тут она окидывает Нору особым зловещим взглядом и произносит слова медленно, чуть ли не по слогам, дабы быть уверенной, что мы поняли: «*Всякие хихоньки аб-со-лют-но недопустимы*».

«Ваше поведение сегодняшним утром предопределит ваше будущее, юные леди, — подытожила она. — Не упустите такую возможность».

Она заговорила о том, что, если мы хотим быть избранными, мы должны выполнять свою работу безукоризненно и никогда не жаловаться и не огрызаться, иначе окажемся на улице, и в этом случае мы больше никогда не сможем вернуться в Замок. Мои радужные надежды поблекли. Мы так нервничали, что даже Нора прекратила смеяться.

Домоправительница была огромной, как гора, женщиной, толщина которой практически равнялась ее росту,